

DOI: 10.31857/S013038640025108-6

© 2023 г. О.А. Туминская

МУЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ. ИСТОКИ

Рец. на книгу: В.Г. Ананьев. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ КАК ЦЕНТР МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПЕТРОГРАДА – ЛЕНИНГРАДА КОНЦА 1910-х–1920-х гг. СПб.: Нестор-История, 2021. 408 с.

Туминская Ольга Анатольевна — доктор искусствоведения, заведующая сектором эстетического воспитания Государственного Русского музея (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: olgmorgun@yandex.ru

Scopus Author ID: 57207856839; ORCID: 0000-0003-0160-8299; Researcher ID: P-5399-2016

О.А. Tuminskaya

MUSEOLOGICAL THOUGHT: THE ORIGINS

Rec. ad op.: V.G. Ananyev. INSTITUTE OF ART HISTORY AS A CENTER OF MUSEOLOGICAL THOUGHT OF PETROGRAD – LENINGRAD OF THE LATE 1910s–1920s. Saint-Petersburg: Nestor-History, 2021. 408 p.

Olga Tuminskaya, The State Russian Museum (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: olgmorgun@yandex.ru

Scopus Author ID: 57207856839; ORCID: 0000-0003-0160-8299; Researcher ID: P-5399-2016

В 2021 г. в свет вышла книга доцента кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета доктора культурологии В.Г. Ананьева, где впервые в поле зрения специалистов гуманитарной науки оказались вопросы, связанные с неординарной практикой познания и трансляции музееведческих знаний, представленные Институтом истории искусств (Зубовский институт) в бурную эпоху предреволюционных событий и первых лет формирования культурной политики нового государственного строя.

В 2022 г. исполнилось 100 лет Российскому институту истории искусств, который был первым в России образовательным учреждением, созданным по образу и подобию Академии изящных искусств во Флоренции. Начало институту положил потомок екатерининского вельможи граф Валентин Платонович Зубов (1884–1969), который в своем петербургском особняке на свои средства основал Институт истории искусств, сохранивший статус одного из ведущих мировых центров изучения истории и теории искусств до сих пор. 2 марта 1912 г. было получено официальное разрешение от петербургского градоначальника на открытие библиотеки и курсов при ней под названием Института истории искусств. В 1916 г. институт был объявлен специальным высшим учебным заведением с трехлетним сроком обучения. А его директором стал В.П. Зубов.

При изучении институциональной и культурной истории Зубовского института четко определя-

ются два пути эпистемологии: музейное источниковедение и социологический метод.

Вклад сотрудников института и приглашенных к сотрудничеству специалистов в развитие научной и общественной жизни России 1910–1920-х годов весомый. Указанное время охватывает перелом социально-исторической системы, в результате которого наука обрела градации дореволюционной и послереволюционной эпох, что и поставило ее развитие в усложненные условия, добавив к непосредственному изучению музейных модусов еще и широкую просветительскую направленность. Следует указать, что музейная секция Института истории искусств смело шла на эксперименты, привлекая сотрудников к реализации задуманных проектов, рождавшихся в спорах, поддерживала связи с разными городами имперской и советской России. В дебатах зародились и конкретные мысли, приведшие к фундаментальным делам: создание и функционирование комиссии по музейному делу и охране памятников археологии, художественной старины и изобразительного искусства. Вопросы, обсуждавшиеся на комиссиях в конце 1910-х годов, были делегированы в новое время и стали предметом научной дискуссии с акцентом на охрану памятников от всяческих разрушений: временных, природных, исторических и, примета времени — социально-общественных, связанных с проведением политики секуляризации или уничтожения церковных материальных ценностей.

Основной мотив публикационной и, что особенно важно в исследовании В.Г. Ананьева, протоколно-документальной части архивного наследия Института истории искусств — формирование платформы научного музееведения в разных сферах его воплощения — соотнесения «инструкции» и ее толкования. В книге представлена реконструкция важнейшего пласта формирования эпистемологических суждений — нематериального, вербального, дискуссионного момента «исторической памяти», того объема прений, рассуждений, высказывания разделительных или консенсуальных позиций, которые и формируют основную феноменологию гуманитарных исследований. Никогда прежде в исследованиях теоретико-искусствоведческого направления не была заявлена эта методологическая проблема так ясно, четко, взвешенно и продуманно. Изучая содержательный потенциал книги об Институте истории искусств, важно провести параллели с формообразующими событиями тех лет, чтобы понять, насколько важен тезис автора о социологическом методе как инструменте познания архивного документа в дескрипторах «документ исторической памяти» и «документ научно-информационного дискурса»¹.

Различные (иногда соперничающие) художественные объединения 1910-х годов издавали свои журналы. Активно печатали критические статьи с просветительской целью А. Белый, А.Н. Бенуа, А.А. Блок, М.А. Волошин, Вяч. Иванов, М. Горький, И.Э. Грабарь, В.В. Кандинский, В.С. Малевич и др. Наблюдается активное участие России в зарубежных выставках. Проведен Всероссийский съезд художников (декабрь 1911 — январь 1912 г.). Открывал его Д.В. Айналов — один из основоположников изучения археологии и искусства в России, определивший две основные тенденции культурной и художественной жизни 1910-х годов: «историзм и современность» (возросшее внимание к изучению своего исторического наследия и перевод известного содержания в искусство в новые формы современности, эксперименты изобразительного языка).

Обсуждение дальнейшей судьбы художественно-культурного наследия отечественного искусства ставило «вечные вопросы». Дискуссия вокруг них довольно активна. Анализ публичных заседаний о тактике музейного дела на основе обнародования документов (стенограммы, циркуляры, приказы, объяснительные и др.) становится доказательством формирования «духа времени», вводится в практику формирования «тезауруса» музейных тем, связанных с изобразительным искусством.

Книгу открывает глава «Проект “Министерства искусства” и работа подкомиссии по охране памятников и музейному делу (1917 г.)», в которой отражены аспекты становления научного языка и

теоретических подходов к изучению музееведческих практик в системе советской гуманитарной науки, дано описание институциональной истории государственного руководства музеями в указанный период.

Немаловажно: автор обращает внимание на расширенные полномочия лиц, которыми ставились вопросы сугубо музееведческого ведения. Основной род деятельности служащих непосредственно с музеем не связан, но, являясь знатоками своего дела и равнодушными членами общественных союзов по сохранению культурно-исторического наследия страны в условиях перехода от одной формации к другой, эти деятели манифестировали основные темы музееведческой науки. Корпус документов такого рода (отчеты заседаний, резолюции, постановления, доклады, статьи, письма и др.) может быть отнесен к материальному пластику изучения нематериального. Социология, эмпирика становятся доказательными в случае анализа фиксации протокольных документов. Социологический метод сыграл ключевую роль в эпистемологии искусствознания начала XX в. Возникающая идея обговаривается, предъявляется на обсуждение и спустя некоторое время формируется как основное руководство к действию. Высказанная мысль может трансформироваться в систематическую линию работы страны, а может сойти на нет, перевоплотиться в схожую формулировку. В любом случае обращение внимания автора книги на роль и значение вербального способа формирования категорий искусствovedческого знания верно и своевременно. Сопоставив способ фиксации устных высказываний представителей гуманитарной науки начала XX в. с сегодняшним днем, понимаем разницу и сходство приемов оповещения аудитории. Протоколы заседаний и стенограммы конференций (съездов, совещаний) аналогичны современным аудио-, видео-, компьютерным формам трансляции основных идей. Обмен мнениями наших предшественников сохранился в письменной форме на бумажных носителях. Сегодня аудиозаписи мобильных устройств, чаты, видеоконференции становятся доказательством формирования коллективного мнения, идейной платформы социума. А именно коллективный вывод является условием создания программы действий для любых важных решений. Коллективное мнение специалистов кладется в основу законодательных актов, должностных инструкций и составляет главную идею рабочей атмосферы научной организации. Но проблема коллективного мнения довольно дискуссионна. Если коллектив немногочисленный, идея только озвучивается, может остаться на уровне «эскиза», «черновика», не умаяя своего значения для развития художественно-эстетических знаний общества. Интересен и показателен путь развития высказанной впервые идеи. Именно этот эмоционально-рефлексивный, индивидуально-творческий контекст представлен в монографии В.Г. Ананьева. Фиксация «чувственной памяти» — редкий, но необходимый способ сохранения ареала эпохи.

¹ Андреева И.В. Документ как культурная форма и эпистемология музейности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 2 (62). С. 66.

Следующая глава «Музейное дело и охрана памятников в работах Института первой половины 1920-х гг.» описывает опыт реконструкции публичных дискуссий второго десятилетия XX в. о положении и перспективах развития музееведения в новых условиях жизни Страны Советов. Это частный случай полемики сотрудников Института истории искусств о музейных возможностях в деле сохранения и пропаганды художественно-исторических знаний в публичном пространстве.

Обсуждение вопросов культуры не могло состояться без участия таких видных музейных работников, как О.Ф. Вальдгауер, И.Э. Грабарь, П.И. Нерадовский, Н.П. Сычев, Д.А. Шмидт, которые являлись сотрудниками института и яркими лекторами, ратовавшими за обучение публики в эстетическом и художественном концепте. Проведение художественно-исторических экскурсий, лекций, семинариев в музейных залах, походы в реставрационные мастерские, краеведческие поездки в малые города России, организация курсов «экскурсионистов» стали поистине новым, важным и этапным достижением культурной политики нового государства. Параллельно со спорами «управленцев» о задачах в музейном деле начинают говорить искусствоведы.

Проблематика, связанная с эстетическим воспитанием, педагогическим образованием на материале музея всегда была важной частью обсуждений и дел института. Его сотрудники совмещали служебные обязанности с работой в Русском музее. «Характерным был полиморфизм форм разработок, активное обращение к адаптационным механизмам, позволяющим продолжать развитие выбранной темы в данных конкретных условиях посредством отбора наиболее адекватных и в заданных условиях форм: комиссий, курсов, обществ, профильного отдела, техникума» (с. 213).

Примеры погружения слушателей в практику «лицезрения» объектов художественного значения становятся одним из методов ведения занятий в институте и на курсах аналогичного профиля. Музейная практика в Петергофе летом 1924 г. и в Гатчине для многих учащихся стала важнейшим событием не только учебной, но и будущей профессиональной деятельности.

Обучение в Zubовском институте, а затем работа женщин в «интеллигентной» творческой профессии является заметным позитивным примером: «Институт определялся как «высшее частное специальное учебное заведение для лиц обоего пола»» (с. 194). Так, художница А.А. Лепорская вела исследовательскую работу в фондах Zubовского института.

Раздел «Эстетическое воспитание в трудах института» второй главы знакомит читателей с предложением совета института принять решение по составу комиссии по организации Художественно-педагогического отдела из числа членов совета института и совета Художественно-педагогического общества. «После получения согласия вышестоящих инстанций начались работы по комплектованию преподавательского состава нового отдела...

Определены были и преподаваемые дисциплины... по новому отделу были избраны... экскурсоводы-практики Б.П. Брюллов и Н.Д. Флиттнер — «Методика ведения экскурсий»» (с. 209).

Во второй главе уделено внимание такому педагогическому опыту, как проведение занятий со слушателями непосредственно в залах ведущих художественных музеев Петрограда — Ленинграда. «Начались переговоры с музеями о возможности проведения занятий на их территории. Непосредственный контакт обучающихся с подлинными предметами, визуализация изучаемого материала были важными и прогрессивными для своего времени чертами преподавательской стратегии» (с. 201).

«Накопленный методический опыт, теоретические разработки в области эстетического воспитания» получили реализацию на «трехнедельных каникулярных курсах для преподавателей и преподавателей средних и высших начальных учебных заведений» (с. 199—211).

«Так создавался мыслительный коллектив института и подготавливался переход к качественно новому этапу его музееведческой деятельности, связанному с формированием уникального институтского стиля мышления, выражением которого стала деятельность Музейной секции Комитета социологического изучения искусств, развернувшегося в 1925 г.» (с. 239).

Заключительная глава «Музейная секция Соцкома и проблемы музейного строительства Ленинграда середины 1920-х гг.» описывает события, связанные с организацией и деятельностью музейной секции Социологического комитета института. Автор обращается к вопросу изучения работы по формированию музейной аудитории 1920-х годов. В поле зрения В.Г. Ананьева попадают деятельность музейной секции, планы и перспективы работы, сотрудничество с другими организациями, формы и методы организации восприятия искусства посредством музейных экспозиций, персоналии профессионального сообщества отечественной музеологии.

Раздел этой главы «Изучение музейной аудитории» (с. 308—317) относит читателя ко времени экспериментов экспозиций художественных музеев и изучения понимания выставок в среде «нового зрителя». Основное внимание автора здесь сосредоточено на докладе сотрудницы Русского музея В.Ф. Белявской «Вопросы учета восприятия музейного посетителя», представленного на заседании секции по просветительской работе 20 апреля 1926 г. Итог обсуждения привел к выделению трех методов работы: «1) метод непосредственного наблюдения; 2) метод точного учета реакций, посредством графиков и хронометражи; 3) метод анкетирования» (с. 310). С 1920-х годов в Русском музее действовала Комиссия по изучению зрителя, в работе которой и были успешно применены теоретические наблюдения. «При этом следует отметить, что Русский музей стал вторым музеем страны (после

Третьяковской галереи. — О.Т.), обратившимся к изучению своей аудитории, на три года опережая в этом Исторический музей» (с. 311).

В следующем разделе этой же главы «Опыт зарубежных музеев» (с. 317–339) развивается основная идея В.П. Зубова об изучении «живых законов эстетического генезиса». Он видел превращение «в России истории искусства в самодовлеющую научную дисциплину», как «пространство транснациональных связей» (с. 318). Материал раздела — обсуждение доклада О.Ф. Вальдгауера (хранитель Отделения древностей в Эрмитаже) на открытом заседании музейной секции 15 октября 1925 г. и «домашняя беседа» на квартире А.А. Починкова (заведующий институтской библиотекой) с «проекционным фонарем, лампой и экраном». Вопрос восприятия опыта зарубежных музеев остался открытым, а равенство на «зарубежный опыт к середине 1920-х гг. начало вызывать неодобрительное отношение властных структур» (с. 339).

Продолжение анализа обстоятельств времени и общественных запросов осуществлено в заключительном разделе главы «Эрмитаж» (с. 339–361), из которого видно, что «круг вопросов был достаточно широк», но единства мнений не наблюдалось, а «сам Институт, и музейное дело в стране в целом, существенно изменились», к сожалению, не в лучшую сторону. Вместе с тем важность проведенного В.Г. Аняньевым исследования на материале 1910–1920-х годов спустя 100 лет имеет очевидную востребованность и актуальность.

В.Г. Аняньев² и в других трудах обращает внимание на исследование музеологических рефлексий и на обработку методик выявления эмпирически-описательной стадии развития науки. По сути он является новатором в деле создания методик обнаружения, систематизации и оформления в научную теорию корпуса незафиксированных до сих пор и не поддающихся фиксации на бумажном носителе вербальных аналогов мыслительного процесса. Бытовавшие в кругу единомышленников и существенно влияющие на обстановку культурного развития социума изречения, попадающие под категорию

«меморативность рефлексий», «память чувств», невербальная оценка происходящего составляют новый и важный пласт науковедения.

В поле зрения В.Г. Аняньева попадают деятельность музейной секции, планы и перспективы работы, сотрудничество с другими организациями, формы и методы организации восприятия искусства посредством музейных экспозиций, персоналии профессионального сообщества отечественной музеологии. Словом, вопрос об изучении фактора «социологии в искусствоведении» уже был для автора «на повестке дня».

В заключение следует отметить важность настоящей книги для современной российской истории и истории искусств. Отличительным признаком построения данного печатного труда является демонстрация обсуждения любой из искусствоведческих тем в русле исторической эпохи, при этом на каждый из вынесенных для обсуждения вопросов В.Г. Аняньев предоставляет архивный материал стенографического характера (отчеты заседаний, протоколы, постановления, журналы заседаний и др.) как «подстрочник», давая читателю максимум документальной достоверности, проецируя приметы времени, предлагая сегодняшнему читателю продолжение дискуссии на темы освоения ментальной картины мира.

Библиография

Аняньев В.Г. «В России следует подумать государству об искусстве»: Министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.). Ч. 1 // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 1 (45). С. 173–181.

Аняньев В.Г. Эрмитаж между «музеем нового искусства» и «музеем быта»: проект И.И. Жарновского в контексте проектов революционной эпохи // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 3. С. 656–664.

Аняньев В.Г., Фомкина М.И. Пространство художественных музеев в международных проектах 1920–1930-х гг.: теория практики в музеологической мысли межвоенного двадцатилетия // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 58–72.

Андреева И.В. Документ как культурная форма и эпистемология музейности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 2 (62). С. 59–70.

Ananiev V. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2016. Vol. 2. P. 9–20.

References

Ananiev V. "V Rossii sleduet podumat' gosudarstvu ob iskusstve": Ministerstvo iskusstv v diskussiyah revolyucionnoy epohi (1917 g.). Ch. 1 ["In Russia, the state should think about art": The Ministry of Arts in the discussions of the Revolutionary era (1917). Pt. 1] // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. 2016. № 1 (45). S. 173–181. (In Russ.)

Ananiev V. Ermitazh mezhdru "muzeem novogo iskusstva" i "muzeem byta": proekt I.I. Zharnovskogo v kontekste proektov revolyucionnoy epohi [Hermitage between the "Museum of New Art" and the "Museum of Everyday Life": I.I. Zharnovsky's project in the context of projects of the revolutionary era] //

² Ananiev V. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2016. Vol. 2. P. 9–20; Аняньев В.Г. «В России следует подумать государству об искусстве»: Министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.). Ч. 1 // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 1 (45). С. 173–181; Его же. Эрмитаж между «музеем нового искусства» и «музеем быта»: проект И.И. Жарновского в контексте проектов революционной эпохи // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 3. С. 656–664; Аняньев В.Г., Фомкина М.И. Пространство художественных музеев в международных проектах 1920–1930-х гг.: теория практики в музеологической мысли межвоенного двадцатилетия // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 58–72.

Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]. 2018. Vol. 160. № 3. S. 656–664. (In Russ.)

Ananiev V., Fomkina M.I. Prostranstvo hudozhestvennykh muzeev v mezhdunarodnykh proektakh 1920–1930-h gg.: teoriya praktiki v muzeologicheskoy mysli mezhoennogo dvadcatiletiya [The space of art museums in international projects of the 1920s–1930s: theory of practice in the museological thought of the interwar twentieth anniversary] // Chelovek. Kul'tura.

Obrazovanie [Man. Culture. Education]. 2018. № 2 (28). S. 58–72. (In Russ.)

Andreeva I. Dokument kak kul'turnaya forma i epistemologiya muzejnosti [Document as a cultural form and epistemology of museology] // Vestnik kul'tury i iskusstv [Bulletin of Culture and Arts]. 2020. № 2 (62). S. 59–70. (In Russ.)

Ananiev V. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2016. Vol. 2. P. 9–20.

DOI: 10.31857/S013038640023042-4

© 2023 г. И.Ю. Хрулёва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рец. на книгу: К.В. Минкова. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1943–1947 гг. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. 504 с.

Хрулёва Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: irinakhruleva@mail.ru

Scopus Author ID: 57224399651; ORCID: 0000-0001-8888-9091

I.Yu. Khruleva

ECONOMIC CAUSES OF THE COLD WAR

Rec. ad op.: K.V. Minkova. ECONOMIC ORIGINS OF THE COLD WAR: SOVIET-AMERICAN ECONOMIC RELATIONS IN 1943–1947. Saint-Petersburg: Scythia-print LLC, 2021. 504 p.

Irina Khruleva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: irinakhruleva@mail.ru

Scopus Author ID: 57224399651; ORCID: 0000-0001-8888-9091

Холодная война определяла основные контуры мировой политики и международных отношений на протяжении как минимум четырех с половиной десятилетий XX в., ее наследие упорно продолжает сказываться в наши дни, а ожесточенные споры о ней имеют не только научное, но и общественно-политическое звучание.

Одной из фундаментальных проблем историографии холодной войны является выявление ее причин, анализ тех событий, которые привели к нарастанию конфронтации между СССР и США в середине — второй половине 1940-х годов. Обращаясь к данной проблематике большинство ученых, как отечественных, так и зарубежных, сосредотачивает свое внимание на изучении политических и идеологических разногласий, возникавших между Москвой и Вашингтоном на заключитель-

ном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Это, безусловно, очень важно, однако не менее важным представляется рассмотрение противоречий и конфликтов, имевших место в советско-американских отношениях в экономической сфере. Очевидно, что для Советского Союза, понесшего в ходе войны колоссальные материальные потери, для которого восстановление народного хозяйства стало первоочередной задачей, данная сфера была очень чувствительна. Чувствительна, хотя и по другой причине, она была и для Соединенных Штатов, стремившихся сохранить и упрочить лидирующие позиции в мировой экономике, занятые в военные годы. К сожалению, историки реже обращают внимание на «экономические истоки» холодной войны. О них упоминается в ряде общих работ, однако специальных исследований на